

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.12>

Мещеряков Александр Юрьевич, Антропов Олег Константинович

ХАРБИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1920-1976 ГГ.

Авторы прослеживают становление и развитие Харбинского политехнического института в Маньчжурии в период 1920-1976 гг. Раскрываются основные причины активного развития высшей инженерной школы в Харбине. В качестве источниковой базы используются все выпуски журнала "Политехник". Обобщен новый материал по исследуемой теме, применяются методы постструктурализма в изучении отечественной истории. Рассмотрены отдельные аспекты межкультурной коммуникации русских, китайцев и японцев в пространстве Политехнического института.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 68-72. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Акмолинские областные ведомости. 1904. № 21. 22 сентября.
2. Атбасар мөслимәләре // Вақыт. 1917. 28 июня.
3. Баруди Г. Кызыльяр сәфәре. Казан, 2004. 167 б.
4. Гибадуллина Э. М. Торгово-промышленная деятельность татар на территории Акмолинской области Казахстана во второй половине XIX – начале XX в. // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 12-14.
5. Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан «Центральный исторический архив Республики Башкортостан» (ГКУ РБ «ЦИА РБ»). Ф. 295. Оп. 3.
6. ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. 295. Оп. 6.
7. Курмашев Г. Акмулла // Вақыт. 1917. 17 ноября.
8. Күкчәтау жәмгыяте // Тормыш. 1917. 3 мая.
9. Памятная книжка Акмолинской области за 1916 год. Омск: Акмолинский обл. стат. ком., 1916. 240 с.
10. Переводчик. 1904. 16 июля.
11. Садвокасова Б. Купец 1 гильдии // Степной маяк. 2010. № 23.
12. Салахов И. Күкшетау татарлары // Мирас. 1995. № 11-12. С. 167-173.
13. Хәкимов С. Акмулла ханымнар жәмгыяте // Вақыт. 1917. 16 июня.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1.
15. Шаһсаедов Ш. Күкчәтаудан // Вақыт. 1917. 12 мая.

**CHARITABLE ACTIVITY OF THE TATAR COMMUNITY OF AKMOLINSK REGION
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Makhmutov Zufar Aleksandrovich, Ph. D. in History

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
zufar@inbox.ru

The Tatars are one of the historically formed diasporas of Kazakhstan. Within the territory of modern Akmolinsk region, the Tatar population was concentrated mainly in big cities, such as Nur-Sultan (Akmolinsk), Atbasar, Kokshetau (Kokchetav). In comparison with other ethnic groups, the Tatar diaspora in this region was distinguished by prevalence of the urban population over the rural one and high percentage of merchants and bourgeois. Relying on archival materials and newspaper publications of that period the author analyses charitable activity of the Tatar community of Akmolinsk region in the pre-revolutionary period, examines the forms and trends of the Tatar charity.

Key words and phrases: the Tatars; Akmolinsk region; Kazakhstan; Nur-Sultan; Kokshetau; Atbasar; charitable activity; mosques; madrasahs; public organization; spiritual life.

УДК 93/94; 327; 130.2

Дата поступления рукописи: 07.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.12>

Авторы прослеживают становление и развитие Харбинского политехнического института в Маньчжурии в период 1920-1976 гг. Раскрываются основные причины активного развития высшей инженерной школы в Харбине. В качестве источниковой базы используются все выпуски журнала «Политехник». Обобщен новый материал по исследуемой теме, применяются методы постструктурализма в изучении отечественной истории. Рассмотрены отдельные аспекты межкультурной коммуникации русских, китайцев и японцев в пространстве Политехнического института.

Ключевые слова и фразы: политехнический институт; журнал «Политехник»; Харбин; Россия; Китай; Япония; КВЖД; инженеры; постструктурализм.

Мещеряков Александр Юрьевич

Антропов Олег Константинович, к.и.н., доцент

Астраханский государственный университет

daomesheryakov@gmail.com; olegantropov1@gmail.com

ХАРБИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1920-1976 ГГ.

Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069

«Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Актуальность. На сегодняшний день применение методов постструктурализма в изучении истории основания и развития высшей инженерной школы в Маньчжурии в 1920-1976 гг. представляет интерес, так как позволяет по-новому взглянуть на историю взаимодействия России и Китая. Согласно работе французского философа М. Фуко «Надзирать и наказывать» [21], университет – это механизм муштры в пользу господствующей власти на той или иной территории. М. Фуко представил ряды параллелей между тюрьмами,

школами, больницами, университетами, заводами и казармами как многочисленными институтами для производства «послушных тел» [Цит. по: 2, с. 91]. Согласно мнению М. Фуко, дисциплина связана с распределением индивидов в пространстве [21, с. 175]. В XVII-XVIII вв. дисциплины стали общими формулами господства власти [Там же, с. 167]. Харбинский политехнический институт (далее – ХПИ), как и любой другой, формировался как инструмент образовательного воздействия: университет обеспечивает подготовку инженеров соответствующего уровня, а следовательно – выбор лучшего способа обучения. Формирование компетентных и послушных инженеров – это императив квалификации и политики действующей власти.

Задачами данного исследования являются: рассмотреть отдельные аспекты межкультурной коммуникации русских, китайцев и японцев в пространстве Политехнического института; проанализировать возникновение и изменение дисциплинарных методов в высшей инженерной школе как формулу господства российской, советской, японской и китайской власти. **Научная новизна** данного исследования проявляется в рассмотрении истории ХПИ с точки зрения постструктурализма, которое ранее не проводилось в отечественной истории. Источниковую основу исследования составляют материалы периодической печати: выпускные журналы «Политехник», издаваемого в Австралии в период 1969-2012 гг., в котором были собраны научные труды, фотографический материал и воспоминания инженеров, окончивших ХПИ в разные периоды времени. На сегодняшний день журнал «Политехник» хранится в архивах России, США, Китая и Австралии.

Вопрос об открытии высшего специального технического учебного заведения в Маньчжурии был решен, когда замкнулась первая железнодорожная линия, соединяющая Восток и Запад, – КВЖД. Харбинский политехнический институт активно развивался по ряду нескольких причин: заинтересованность российского и китайского населения в получении технического образования; финансовая поддержка КВЖД и частных организаций Харбина; высокая квалификация профессоров и доцентов в российской эмиграции, в том числе и в Китае; быстрый рост населения Харбина; высокая потребность в инженерных кадрах на КВЖД и в Маньчжурии. В силу этих факторов Харбин со временем сформировался как академический центр Китая.

Изначально 5 августа 1920 г. было образовано «Общество по заведению Русско-Китайского Политехнического института» [26] – главный коллегиальный орган, который занимался организацией и административными вопросами нового учебного заведения. В общество вошли российские и китайские представители от Управления КВЖД, Городского Харбинского самоуправления, Биржевого комитета и других влиятельных организаций Харбина [6, с. 6]. Создание высшего учебного заведения в Харбине было возможно только при условии согласия Управления КВЖД и получения финансовой поддержки с его стороны. В этот же день был объявлен прием прошений для поступления на дорожно-строительный и электромеханический факультеты с проведением вступительных экзаменов по физике и математике [7, с. 7-9].

16-17 октября 1920 г. был основан «Русско-Китайский Техникум» [26, с. 1] с программой средних учебных заведений. Одновременно планировалось в течение трех лет преобразовать его в «Политехнический институт» с программой высшего учебного заведения. До 1920 г. в Харбине также функционировали гимназии и училища с программами средних учебных заведений [15].

«Политехническому институту» Управление КВЖД отводило определенное место в урбанистическом ландшафте Харбина, которое не только отвечало необходимости надзора, но и создавало полезное пространство. М. Фуко выделяет «правило функционального размещения», кодирующее пространство посредством дисциплинарных институтов, которое архитектура оставляет свободным, предусматривая его разнообразное использование [21, с. 175].

Первоначально «Русско-Китайскому Техникуму» было предоставлено три сооружения на просторном участке земли в районе Нового города: здание бывшего Российского консульства для главного корпуса техникума, двухэтажное здание Торговой школы и корпус с оборудованной механической мастерской. Техникум расположился в квартале по Правленской, Садовой и Технической улицам [7, с. 9]. Под общежитие был отведен жилой дом-квартира № 17 по Главной улице, в одном квартале от здания техникума. В своем рассказе инженер В. Румянцев вспоминал: «...утренний и вечерний чай можно было получить в общежитии, столовались же проживающие или в столовой при институте или на стороне». Общежитие просуществовало до 1930-х гг. и в связи с увеличением числа китайских студентов было перенесено в район Зеленого Базара. Новое трехэтажное здание с новыми спортивными площадками со временем встроилось в пространство Зеленого Базара [11].

2 апреля 1922 г. техникум был преобразован в «Русско-китайский политехнический институт» [26, с. 1]. ХПИ возник во время иного этапа производства пространства¹ в Харбине. К этому моменту колониальное влияние России на Маньчжурию полностью ослабло. В интервью от 1925 г. директор Института профессор А. А. Щелков отмечал: «Да, институту сейчас тесно. Нет большого актового зала, нужны специальные чертежные, помещение для лаборатории тепловой, гидравлической и по сопротивлению материалов. Должны быть расширены китайские подготовительные классы, нужны кабинеты...»; «Расширение зданий неминуемо и в ближайшее время намечено постепенное соединение обоих корпусов Института»; «Относительно пополнения кабинетов и библиотеки могу сказать, что для этой цели постоянно отпускаются соответствующие суммы и пополнение неуклонно производится» [28]. Через некоторое время были построены новые большие здания, соединенные между собой и с прежними постройками в одно капитальное здание, удовлетворяющее

¹ «Производство пространства происходит благодаря вмешательству государства, чьи действия соотнобразуются с устремлениями капитала, но выглядит так, будто всего лишь отвечают рациональным требованиям сообщения между частями общества, а также экономического роста в интересах всех пользователей. На деле же производится порочный круг, охватывающий господствующие экономические интересы и выступающий их носителем» [9, с. 365].

требованиям высшего учебного заведения [15, с. 6]. В исключительных случаях Управление КВЖД предоставляло свои собственные лаборатории и вспомогательные учреждения для временного пользования профессорами и студентам [6, с. 6]. Со временем лаборатории ХПИ были оборудованы новейшей техникой, которую заказывали ежегодно за десятки тысяч рублей [22, с. 2]. Приходно-расходная смета ХПИ на 1925 г. составляла 165000 руб. Сумма за обучение в институте устанавливалась в размере 200 и 300 руб. [27].

Общепринятым дисциплинарным методом государственных институтов является предписание определенного внешнего вида человеку, т.е. пристальное внимание к телу, которое подвергается муштре в нескольких аспектах. Так, студенческая форма в ХПИ была принята по типу российских дореволюционных высших технических учебных заведений. Вместе с тем среди студентов проводили конкурс с премией на «соискание лучшего вида наплечника» [5, с. 16].

Одним из интересных случаев межкультурного диалога в истории ХПИ являлись «Политехнические балы» в Харбине, которые организовывали китайские и российские студенты. Доходы от студенческих балов достигали больших сумм. Популярность балов выходила за пределы института за счет организации на них русского балета. «Успеху балета способствовал еще тот факт, что перед каждым выступлением танцоры за сценой имели обычай “подкрепиться” для храбрости» [8, с. 33].

Обязательные работы в мастерских, черчение, сдача репетиций и экзаменов, выполнение разнообразных технических задач, летние практические работы и мн. др. являлись фильтрами, через которые проходил студент ХПИ [6, с. 6]. «Экзамен вводит целый механизм, связывающий определенный тип формирования знания с определенной формой определения власти. Экзамен не просто знаменует конец обучения, но является одним из постоянных факторов. Экзамен вплетен в обучение посредством постоянно повторяемого ритуала власти» [21, с. 228]. Студенты ХПИ сдавали экзамены по основным предметам: строительной механике, мостам, железным дорогам, гидротехнике. А также каждый студент в отдельности защищал 4 дипломных проекта: по мостам, по архитектуре, по железным дорогам, по гидротехнике. Экзамены, выполнение дипломных проектов и их защита показывали профессиональную подготовку и вызывали у экзаменационной комиссии удовлетворение знаниями молодых инженеров [29]. Согласно списку дипломных проектов, можно говорить, что каждый студент разрабатывал проект в пользу Управления КВЖД, т.е. по развитию отдельной отрасли в Маньчжурии, в Харбине и на КВЖД. Задания ограничивались составлением подробно разработанных проектов школ, больниц, железнодорожных зданий. Выпускники ХПИ в последующем применяли свои проекты на практике, так как после постройки основного пути оставалось много незавершенных участков дороги и недостроенных станций.

Образовательная программа ХПИ соответствовала программам высших технических учебных заведений Российской империи и по мере развития института дополнялась новыми дисциплинами в результате развития технических знаний [22, с. 3]. ХПИ регулярно проводил исследования для местного производства по заказам Управления КВЖД, сахарных заводов, министерства промышленности, лесопромышленного управления и др. [3].

С самого начала ХПИ проектировался как для русских, так и для китайских студентов. Подготовительные курсы, на которых обучали китайцев без знания русского языка, но владеющих основами математики, были открыты 17 октября 1920 г. [1, с. 12]. В 1946 г. был основан «Подготовительный факультет» при ХПИ, который готовил студентов, не закончивших последнего класса в школе или окончивших школу давно [24]. Российских и китайских студентов в начале обучения распределяли в отдельные группы. Для китайских студентов российские профессора использовали иной подход к подготовке. Подобная иерархизация была свойственна для ХПИ до начала 1950-х гг.

Российские и китайские инженеры первых выпусков легко находили применение своим знаниям. Они поступали на высокооплачиваемые должности на КВЖД и предприятия города или же открывали частные строительные конторы и механические мастерские [23]. Диплом ХПИ признавался по всему миру [22, с. 3]. На страницах журнала «Политехник» можно видеть, что в разные периоды времени не было единой формы диплома выпускника. Молодой инженер мог получить дипломный лист на русском, английском, японском, китайском языках с печатью ХПИ, китайской печатью, японской или СССР [19, с. 3; 20]. Не случайно, что экзаменационные процедуры всегда сопровождаются системой интенсивной записи, накопления и выдачи документов [21, с. 231].

После продажи КВЖД 25 марта 1935 г. и подчинения ХПИ японским властям Маньчжоу-го прием русской молодежи в институт был прекращен [10]. 9 апреля 1937 г. пост ректора института занял японский инженер И. Судзуки и ХПИ начал принимать корейских и японских студентов. Преподавателей приглашали из Японии, а преподавание начали вести на японском языке [12, с. 16]. Часть российских профессоров эмигрировала в разные страны, часть осталась в Харбине. Оставшимся удалось организовать совместно с японской властью «Харбинский русский техникум» филиал от ХПИ в Молягоу для обучения российских учеников, который просуществовал 6 лет. Японцы прекрасно понимали пользу российских технических кадров и предоставляли лаборатории и мастерские новому техникуму. Регламент времени учебного дня, форму, все наказания для учеников техникума устанавливала исключительно японская администрация. Инженер Г. Писемский в своей статье писал, что «последние студенты окончили в 1938-1939 годах, и русский ХПИ фактически прекратил свое существование» [10]. В этот период единственным высшим учебным заведением для русских студентов в Харбине являлся «Институт Св. Владимира», в котором имелись политехнический, ориентальный и богословский факультеты [18]. В 1938 г. «Институт Св. Владимира», куда также вошел Коммерческий институт, был переименован в «Северо-Маньчжурский университет» (СМУ) [1, с. 10-11].

В результате действий японской администрации в институте остался лишь один профессор Ю. О. Григорович. 15 августа 1945 г. Япония капитулировала, и советская администрация постепенно начала восстанавливать работу университета, формировать советскую дисциплину и привлекать кадры инженеров из СССР. Директором института назначили советского полковника Седых. Был объявлен прием для российской и китайской молодежи, восстановлены несколько факультетов [17].

После образования КНР известность о ХПИ распространилась по всему Китаю. 7 июня 1950 г. Советское руководство передало Китайскому Правительству права на ХПИ [13]. Русских принимали только на строительный факультет, а в дипломах русских инженеров появлялись плохие оценки по «истории китайской коммунистической партии». Инженер В. И. Игнатенко в своей статье пишет: «Китайцы впитывали русский мозговой потенциал. На каждой кафедре были профессора из СССР. Они в основном готовили китайских аспирантов на преподавание. Мы посещали их лекции, но экзамен нужно было сдавать по-китайски»; «...среди китайских окончивших были и приехавшие с Филиппин, Малайзии и Индонезии» (это авторский текст из статьи журнала. – А. М., О. А.) [4]. ХПИ со временем приобретал международную известность, и выпускникам было проще находить работу в разных странах.

В 1955 г. профессора и студенты электротехнического факультета (далее – ЭТФ) выехали в СССР на целинные земли, а оставшиеся эмигрировали в Австралию и страны Латинской Америки. К 1960 г. русских профессоров на ЭТФ не осталось, их заменили китайские аспиранты, приехавшие из Московского, Ленинградского и Киевского технических институтов [16]. Инженер П. А. Небышенков в своем письме отмечал: «В дальнейшем институт развивался с каждым годом, расширялся и своей кульминационной точки достиг к концу 1961 г. В это время студентов в институте было 20,000 чел. и около 5000 человек профессоров, доцентов, преподавателей, служащих и рабочих...» [25, с. 36-37].

В статье журнала “TIME” от 1976 г. [30] отмечено, что лекторский состав ХПИ, из которого многие в свое время получили образование в Америке, Швейцарии, СССР, был рассеян по стране в результате Культурной революции в Китае. Российские инженеры с большим трудом находили работу в Китае, а лекторы были смещены до преподавания элементарных наук. Основным языком преподавания в ХПИ стал китайский [Ibidem]. Название университета осталось прежним – «*Ха-эр-бинь Гун-е да-сюэ*», но на английском языке его писали как “*Harbin Institute of Technology*” [14].

Итак, за время своего существования в ХПИ менялись пространственная организация, название института, дополнялся состав профессоров, создавались и закрывались факультеты, но самое важное – изменялась «дисциплинарная власть». Изначально в 1920 г. политехнический институт сформировался в результате притока в Харбин российских эмигрантов. Затем в 1924 г. перешел под совместное советско-китайское управление. В 1935 г. прекратил существование как русско-китайский политехнический институт и продолжил развиваться под влиянием японской власти Маньчжоу-го. В 1945 г. советская власть ввела новую систему обучения инженеров. В итоге в 1950 г. ХПИ окончательно был передан под управление КНР. Стоит отметить, что изучение разных периодов истории развития ХПИ с точки зрения постструктурализма показало, что межкультурная коммуникация между китайскими, российскими и японскими студентами ХПИ не прекращалась из-за изменения власти и установления новых дисциплинарных методов.

Список источников

1. Автономова И. И. Из истории ХПИ // Политехник. 1973. № 5. С. 11-14.
2. Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 240 с.
3. Григорович Ю. О. Научно-исследовательская и методическая работа в ХПИ // Политехник. 1979. № 10. С. 20-25.
4. Игнатенко В. И. ХПИ периода 1952-1958 гг. // Политехник. 2012. № 17. С. 23-24.
5. Калугин Н. П. 2-е апреля 1922 г. // Политехник. 1972. № 4. С. 14-17.
6. Калугин Н. П. Далекое близкое // Политехник. 1973. № 5. С. 5-8.
7. Калугин Н. П. Юбилейная дата Политехнического института // Политехник. 1972. № 4. С. 7-11.
8. Козловский Б. «Политехнические балы» в г. Харбине // Политехник. 1979. № 10.
9. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
10. Писемский Г. Харбинский русский техникум // Политехник. 1975. № 7. С. 5-11.
11. Румянцев В. Общежитие ХПИ // Политехник. 1972. № 4. С. 47-49.
12. Савчик В. Г. Очерк по истории Харбинского политехнического института (с момента продажи КВЖД) // Политехник. 1979. № 10. С. 14-18.
13. Савчик В. Г. Харбинский политехнический институт 1920-1990 гг. // Политехник. 1992. № 13. С. 32-34.
14. Савчик В. Г. ХПИ сегодняшнего дня // Политехник. 1989. № 12. С. 13-14.
15. Свиридов П. Воспоминания // Политехник. 1969. № 1. С. 4-8.
16. Слюсаренко Ю. Г. Электро-технический факультет в конце пятидесятых годов // Политехник. 1974. № 6. С. 12-13.
17. Смирнова Г. П. Бывшие питомцы ХПИ на работе в институте после 1945 г. // Политехник. 1974. № 6. С. 14-17.
18. Фесюнов Я. Институт Св. Владимира в Харбине // Политехник. 1979. № 10. С. 32-33.
19. Фотографии дипломов ХПИ // Политехник. 1979. № 10.
20. Фотографии дипломов ХПИ // Политехник. 1992. № 13. С. 20-25.
21. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
22. Чернов О. Питомник молодых инженеров // Политехник. 1974. № 6. С. 1-3.
23. Чупров И. И. Наш вклад в развитие Маньчжурии // Политехник. 1972. № 4. С. 119-120.
24. Чупров И. И. Шесть лет в стенах ХПИ // Политехник. 1971. № 3. С. 41-44.
25. Шахраев В. Несколько случаев кооперации научно-исследовательской работы и промышленности // Политехник. 1969-1979. Юбилейный сборник. № 10. С. 36-39.

26. Шамшури́н Д. А. Справка // Политехник. 1972. № 4. С. 1-2.
 27. Щелков А. Бюджет института на 1925 год // Известия и труды Русско-китайского политехнического института. 1924-1925. № 2. С. 8-9.
 28. Щелков А. Наше интервью. Перепечатка на журнал «День политехника» 1925 г. февраль // Политехник. 1970. № 2. С. 24-25.
 29. Щелков А. Первый и второй выпуски инженеров путей сообщения // Известия и труды Русско-китайского политехнического института. 1924-1925. № 2. С. 9-10.
 30. Kallgren Joyce K. China: Teng's New Long March // TIME. 1978. № 22 (112). P. 50-53.

HARBIN INSTITUTE OF TECHNOLOGY IN THE PERIOD OF 1920-1976

Meshcheryakov Aleksandr Yur'evich
Antropov Oleg Konstantinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Astrakhan State University
daomeshcheryakov@gmail.com; olegantropov1@gmail.com

The authors trace the formation and development of Harbin Institute of Technology in Manchuria in the period of 1920-1976. The paper reveals the basic motives for the active development of engineering higher school in Harbin. The source basis of the study includes all the issues of "Polytechnic" journal. New material on the theme is summarized; post-structuralism approaches are applied to study the national history. The authors examine certain aspects of intercultural communication between the Russians, Chinese and Japanese within the space of Harbin Institute of Technology.

Key words and phrases: Institute of Technology; "Polytechnic" journal; Harbin; Russia; China; Japan; Chinese Eastern Railway; engineers; post-structuralism.

УДК 94(47)

Дата поступления рукописи: 26.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.13>

Статья посвящена проблеме выявления социально приемлемых (не являющихся маргинальными) форм самореализации женщины в России XVI в. Автор приходит к выводу, что в данный период прослеживается целый ряд таких форм как в рамках семьи, так и за её пределами. В работе также раскрывается механизм генезиса рассматриваемых явлений. Научная новизна статьи определяется исследованием данной проблематики в конкретных хронологических рамках XVI века, мало привлекавшего внимание исследователей в силу плохой сохранности и дискретности источниковой базы.

Ключевые слова и фразы: Российское государство; XVI в.; история семьи; общественное положение женщины; самореализация женщины.

Соболевский Алексей Владимирович

Томский государственный педагогический университет
alexios76@inbox.ru

ОБЩЕСТВЕННО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ XVI В.

К настоящему времени целым рядом исследований установлено уникальное место XVI столетия в истории России – именно в эту эпоху сформировались многие устойчивые особенности политического, экономического и культурного уклада Русского централизованного государства, влияние которых в трансформированном виде ощущается до сих пор [25, с. 114]. Однако не все аспекты изменений русского общества этого времени одинаково хорошо изучены. Во-первых, этому мешает относительная скудость сохранившихся источников, вследствие чего некоторые сюжеты кажется затруднительным осветить с достаточной репрезентативностью; во-вторых, некоторые из данных аспектов стали предметом пристального изучения отечественных историков лишь сравнительно недавно. На наш взгляд, несмотря на имеющиеся объективные трудности, задача детального исследования всех аспектов социокультурных трансформаций русского общества XVI в. продолжает оставаться **актуальной**. Одному из таких аспектов – социально приемлемым возможностям самореализации индивидуализирующейся женской личности – будет посвящена данная статья.

Как в дореволюционное, так и в советское время отечественная историография уделяла относительно мало внимания истории общественного положения женщины в XVI в. Дореволюционные авторы, однако, осуществили частичную систематизацию источников по этой проблеме – в этом отношении особенно заслуживает внимания труд И. Е. Забелина «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях». После 1917 г. специальное обращение к тематике такого рода было рискованным – так, монография Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» вызвала острое неприятие в академических кругах. Пожалуй, единственный аспект проблематики, хорошо изученный в советское время, – историческая демография различных общественных